

Сергей К. Данилов

Доктор
Трупичкина

Сергей К. Данилов

Доктор Трупичкина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48710915

ISBN 9785005081155

Аннотация

«А как хорошо прежде смотрела, как смотрела! Залюбуешься! Да, красивая женщина, теплая, душевная, приятная в общении, отказывать ужасно неудобно. И вот ведь что странно – пойдёшь с ней завтра в театр, ну что здесь такого особенного? Да ничего, но в результате придётся через некоторое время на ней жениться, и она про то знает, и я, и все прочие остальные, что мигом исчезнут, разбегутся, отвернутся, будто и не было никого и ничего подобного в природе. Чёрт возьми, однако же недолго музыка играла!»

Содержание

1. Безголовая девица	5
2. Горький вдовец Игорь Николаевич	12
3. Девушки-спецы	24
4. Любовь к трём апельсинам	29
5. Пряничный человечек в коробке	34
6. Давайте сходим, развеемся...	37
7. Ох, и мастерица, однако!	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Доктор Трупичкина

Сергей К. Данилов

© Сергей К. Данилов, 2019

ISBN 978-5-0050-8115-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Безголовая девица

Он стоял на задней площадке автобуса, у окна. Глядел на улицу. В стекле, прямо напротив лица имелся небольшой воздушный пузырьёк, который от нечего делать превратился в прицел лазерного гиперболоида, и кто из прохожих попал под режущий луч, тому гибельно не везло. Гражданина, с риском для жизни перебежавшего к остановке через проезжую часть, разрезало буквально пополам вместе с пиджаком, рубашкой и галстуком. Куда, спрашивается, торопился? Зачем? Впрочем, свою судьбу никому знать неведомо, иной раз чужую лучше знаешь, чем свою собственную.

Другого... лазерный прицел подпрыгнул вместе с автобусом, луч метнулся поверху (везёт же некоторым!). Денис тоже взлетел, сильно ударился головой о поручень, приземлился и, поморщившись, зафиксировал, какая беда случилась с приятной во всех отношениях девушкой в голубых джинсах, белой тонкой кофточке, стоявшей на остановке: лазерный луч прошелся точно по её загорелой шее и головы как не бывало. Даже зажмурился, чтобы не видеть последствий. Испытывая лёгкое угрызение совести, бросил взгляд на открывшиеся двери, – девушка самостоятельно заскочила в салон первой, та самая, в джинсах и кофточке, юная, стремительная, притягательная для нечаянного знакомства, но... без головы. На месте загорелой шеи, непосредственно

из плеч вился синеватый факел вроде того, что горит на кухонной газовой конфорке, а в этом огне извивалась туманом тень исчезнувшего девичьего лица, как наказание меткому стрелку лазерного гиперboloида. Вот чего лишил ты всех, урод!

Да он же понарошку! Шутит от скуки, и всё это неправда! И быть такого не может!

Быть точно не может, а вот есть и всё тут! И никуда от этого не деться: стоит девушка без головы у дверей, рассчитывается с кондуктором, говоря обычным человеческим языком: «Мне один билет, пожалуйста... спасибо». Прошла тоже к окну, встала перед Денисом, сказала: «Привет!». «Привет! – ответила ей незнакомка откуда-то из-за его спины. – Ты на дежурство? Не повезло, сегодня Трупичкина в ночь, покоя не даст». Но, постойте, как же так? Невозможно! Быть того не может... а есть, есть, есть!

И ужасно, что никто вокруг не выразил ни малейшего удивления по поводу столь катастрофического происшествия, случившегося среди бела дня в городском автобусе шестого маршрута, не возопил на всю ивановскую, не воззвал к скорой помощи. И он тоже за компанию со всеми подавил в себе дикий крик ужаса новоявленного сумасшедшего: бежать, бежать срочно куда подальше, залезть дома под кровать, забиться в самый тёмный угол и никогда – никогда больше не вылезать оттуда, ведь под кроватью никого нет, значит, и отрезанных голов там не будет!

Затаился Денис, перестал думать. Подчинился совокупному разуму сообщества пассажиров. Молчи, язык мой – враг мой, покуда все молчат, лежи во рту смирно. Вот сейчас разберутся люди что к чему, да как начнётся паника в салоне, давка, визг, матерщина, ломанётся народ во все стороны от безголовой ходячей девицы, вот тогда и он заорёт на всю ивановскую! Ой, ну как же он заорёт, мамочка родимая, столько в нем ужаса накопилось, и уже переполнение пошло, заструился ужас холодом по шее и спине! Одеревенел Денис, из последних сил терпит. Прищурил левый глаз.

О, слава богу, вот она голова, целая – невредимая вернулась на плечи после кратковременного отсутствия без малейшего признака боли. И какая хорошенькая: с весёлыми загорелыми щеками, на которых живут симпатичные ямочки, быстрыми ресницами, ах, что за прелесть вернулась в наш жестокий безумный мир! Слава те господи, а то уж показалось... чёрт-те что... Открыл левый глаз, прищурил правый: снова факел на плечах сворачивается в голубой тлен. Развернулся Денис на прочих пассажиров. Мать честная, кругом все поголовно безголовые! Причем, если смотреть на конкретную цель издалека, то нет головы и пол туловища в придачу, зато у рядом стоящих граждан вроде на месте. Только переведёшь на соседскую – и она тут же исчезает полностью, смотришь на руку – та разорвана с вывертом ужасным и разрезана голубым плазменным пламенем, в глаза рядом стоящего пассажира случайно глянул – оппа-на! – нет глаз

на лице, ниже посмотрел – носа не стало, за ним рот исчез. На что конкретно смотришь, того и нет, мгновенно исчезает, сгорая в голубоватом пламене гиперboloидного Денискиного взгляда. За что их-то?

Хорошо, что правый глаз пока нормальный. На другой день отправился Денис в поликлинику к главному врачу, рассказал, что с ним приключилось в автобусе, про гиперboloид умолчал, всё-таки к офтальмологу на приём очередь двухчасовую отстоял, а не к психиатру пока. Ещё сидя в очереди, узнал, что врач Игорь Николаевич пребывает в глубочайшем трауре: у него умерла жена. О том говорили меж собой две приличного вида женщины, а остальные пациенты заинтересованно их слушали.

– Редкий мужчина, наш Игорь Николаевич, – качнула высокой причёской элегантная дама, мягко улыбнувшись, – до последнего дня сам ухаживал, все делал своими руками.

– Другие-то сразу жен бросают, стоит чуть заболеть. Пол не может мыть, да обед варить – тут же уходят к знакомой, а он до самого конца сопровождал, – согласилась соседка, – во всех отношениях безупречный человек.

– Зато теперь словно потерянный. Не замечали? Вчера на приёме уж искал-искал мою карточку на столе, чтобы запись сделать, а потом поднял глаза и спрашивает: «Извините, как ваша фамилия?». А в глазах мука мученическая стоит...

На двух прилежащих к главному кабинету скамейках располагалась публика чистая, не то, что в соседний, инфек-

ционный. В основном присутствовали женщины возраста от тридцати до сорока пяти, празднично одетые, с маникюром, губная помада ровным слоем лежит, где ей и полагается, а вот тени для глаз и тушь для ресниц необязательны. При последних словах очередь не выдержала, закивала в знак сочувствия.

– А карточка-то прямо перед ним на столе, – закончила та, что говорила на восторженной ноте, открытая!!!

Попав в кабинет на приём, Денис с интересом принялся рассматривать посмертно преданного жене доктора, вежливо прикрыв больной левый глаз ладонью, одним правым. Офтальмолог оказался сухощавым, подтянутым, симпатичным и на вид очень серьёзным человеком лет сорока, в блистательно белом халате. С яркой голубоватой сединой, словно специально выкрашенной в такой необычно привлекательный цвет. Он не торопясь приступил к исследованию глаз Дениса в тёмной комнатке, пуская зеркалом зайчики прямо в зрачки: «Смотрите на мой палец, сюда. Теперь вверх, а теперь в сторону, снова сюда...» И за пять минут напускал в оба глаза столько зайчиков, что больной чуть не разнюнился, а видеть стал одинаково плохо, что тем, что другим.

– Все у вас в порядке, без изменений, – обнадёжил Игорь Николаевич и выписал направление, – поделаете недельку ванночки, как рукой снимет...

В процедурном кабинете специализированного глазного

госпиталя Денис послушно нырял в маленькие стеклянные ванночки глазами, моргал в жёлтый раствор по десять минут, но что-то лучше от этого действия не становилось. С красными распухшими глазами приходил в свой конструкторский отдел, где, встав у кульмана, обнаруживал, что даже обоими глазами перед собой ни черта не видит. Левый полыхает синим пламенем, правый распух, красный, изображение плывет, будто до сих пор сквозь ванночку с жёлтым лекарством смотрит. А дело стоит. Производственный месячный план рушится. Возвращаясь с работы домой, Денис хлопался на диван с закрытыми глазами. Вроде за ночь отойдёт. А утром снова на ванночки топать.

Процедурная сестра, особа в его ситуации посторонняя, и то заинтересовалась.

– Что-то в вашем направлении диагноз под вопросом, – сказала она как-то, наливая жёлтый раствор из большущего флакона в маленькие ванночки-колпачки, – похоже, Игорь Николаевич в нём и сам не особенно уверен.

– Я не вижу, а он говорит, что все в порядке, проморгаюсь. А оно не проходит и не проходит, – развел руками Денис.

– Ваш Игорь Николаевич – военкоматский врач, – усмехнулась медсестра снисходительно о постороннем враче из обычной поликлиники, – он привык одно говорить – годен. Я вас к нашей Мусе Давыдовне могу записать, хотите? Она настоящий диагност, лучший в городе.

– Если возможно, запишите, пожалуйста.

– Возможно, возможно. Ну, ныряйте!

Медсестра и вправду провела Дениса без направления к лучшему диагносту. Им оказалась очень толстая, лет пятидесяти пяти, маленького роста, чрезвычайно энергичная дама, которая в темнушке держала его недолго.

– Ага, – сказала, посветив в глаз всего секунд пятнадцать, – у вас отслойка на пять часов. Свеженькая, надо срочно оперировать. Направление в стационар возьмите в своей поликлинике и с ним направляйтесь в областную больницу к Лебёдушкиной. Оперируйтесь только у неё, она в городе главная «отслоечница», никому другому не давайте.

– А это не очень больно? – стыдливо опустил взгляд молодой человек, дабы не обезглавливать умную Мусю Давыдовну.

– Жить вообще больно, а с возрастом всё больнее и больнее, – иронически отрезала Муся Давыдовна и, проходя мимо вешалки с низким зеркалом, снисходительно глянула в него, – ничего, потерпите. Детям делают, а вы взрослый человек. Мужчина как-никак.

2. Горький вдовец Игорь Николаевич

С её коряво написанной записочкой, в которой невозможно было разобрать ни русского, ни латинского слова, пришел снова на приём к Игорю Николаевичу, просить направление на операцию. У двери в кабинет скопилась очередь из волооких гражданочек на весь коридор, даже больше, чем в прошлый раз, – не пробиться! Чёрте что!

Сегодня он по-прежнему безукоризненно выбрит, свежие меловые щеки отлично гармонируют с белой строгой шевелюрой, чёрные брови и ресницы сногшибательно им контрастируют, новый галстук до миллиметра точно скрепляет воротничок, всё в докторе самого добротного качества и шика, профессионально знающее, и штиблеты, и зеркало во лбу, но какая-то медлительность во взоре. И то, в сорок пять лет вдовцом остаться. Переживает человек, а ни в коем случае не опустится, не запьёт. Да и не позволит ему женский врачебный коллектив, то и дело вбегающий в кабинет с самыми разными вопросами.

Смерть жены произвела в душе полное опустошение, слишком тяжёлой и продолжительной оказалась болезнь. Столько сил, нервной энергии затрачено на борьбу, что как-то уж не имеет значения, какая там будет последующая

жизнь, не все ли равно? Однако по окончании чреды печальных событий коллектив поликлиники, в которой трудился много лет Игорь Николаевич, окружил его такой заботой, таким трогательным вниманием, каких тот прежде не ощущал даже в дни своего рождения. И хотя быстро минул девятый день, а потом незаметно сороковой со дня смерти супруги, атмосфера всеобщей предупредительности не думала ослабевать.

Напротив, день ото дня делалась всё более насыщенной ласковым женским участием к одиночеству сорокапятилетнего, горького вдовца. Иногда ему даже начинало казаться, что все кругом одинаково пекутся о его дальнейшем существовании, как прохожие о потерявшемся на вокзале трехлетнем ребенке.

При более пристальном рассмотрении обнаружилось, что к составляющим благоприятной атмосферы частицам относятся не все поголовно окружающие, а исключительно женская часть коллектива, причём незамужняя, причем возраста от тридцати пяти до сорока пяти, которая составляла, тем не менее, большую и лучшую часть всего медперсонала. И не только врачи, медсестры да санитарочки наполняют собой сию мягкую блаженную ауру, непрерывно клубящуюся вокруг кабинета офтальмологии, но и пациентки стали как на подбор рослыми, что называется, интересными дамами с глубоко проникновенными миндалевидными глазами, которые всегда нравились Игорю Николаевичу и какие были

у его покойницы жены.

Того же подходящего возраста, отлично одетые, заметно молодящиеся, они плотно занимали обе лавочки у кабинета, так что пришлось ставить третью. И шли на прием пациентки чаще всего с просьбой выписать новый рецепт на очки или проверить зрение. А Игорь Николаевич, не меняя привычных правил, у всех поголовно с дотошностью просвечивал глазное дно, давал рекомендации, в то время как его медсестра, девушка рослая, тоже с большими медлительными глазами, выписывала рецепты на очки или капли.

Пациентки покидали кабинет чуть не со слезами благодарности: какой человек! Какой доктор! Замечательный!! Просто необыкновенный! Не зря молва о нем идёт по всему городу!

Между прочим, любому станет приятно, когда вокруг появится подобное благоухающее множество красивых, умных, чрезвычайно следящих за собою женщин в самом расцвете сил, предрасположенных к участливому разговору, но, в конце концов, даже самый последний кретин задастся вопросом: а в чём собственно дело? Отчего такое благословение пало на его седую голову?

Участие участием, но всё же? Игорь Николаевич к числу полных идиотов не относился, и довольно скоро расшифровал причину возникновения женской ауры без посторонней подсказки. Надо сказать, при этом жутко удивился.

Нет, собственно говоря, он и прежде знал, что некоторые

женщины ему симпатизируют, ещё и при жене сие было видно: две-три, не более, просто улыбнутся при встречах этак... затаенно. Долго и скучно описывать приметы той улыбки женской, а мужчине, на которого она направлена, всё сразу делается ясно мгновенно и до конца. В число этих двух-трех входила, к примеру, очень симпатичная работница регистратуры Ольга Васильевна, но ей простительно, потому что не замужем и даже не была никогда. Глазник как-то подумал, наблюдая её красиво проходящую мимо, что если бы не был женат, то непременно и тотчас же сделал бы ей предложение.

А другая, наоборот, замужня дама, от которой Игорь Николаевич подобного визуального флирта никак не ожидал, а она однажды возьми да как взгляни мимоходом! Ба! Сродни тому, знаете ли, ощущение снизошло, будто внезапно трахнули с размаха меж бровей молотком, тем самым специальным, коим невропатологи колотят от души под колени призывников, да пишут в обходной лист медкомиссии: годен, годен, годен! Поневоле скажешь: ух ты!

Доктор в свои-то сорок с гаком, помнится, тоже решил, что годен, даже запнулся и минут пять стоял – вспоминал, куда он до того мчался? По какому делу: общественному или производственному? Умеют иные серьезные вроде бы коллеги другой раз так огорошить, проходя мимо, что... И дара сего у них никакому мужу законному не отнять. Во как: и муж есть, и дар есть, и баста!

Но то две-три. А то целых двадцать-тридцать, точнее считать страшно, и всё новенькие подходят, прямо не глазной кабинет сделался, а выставка невест. Большею частью, естественно, разведённые, реже вдовы, незамужних в таком возрасте уже практически не осталось, при такой-то красоте трудно не изведать прелестей семейной жизни. Очень приятные женщины валом шли на приём к Игорю Николаевичу, симпатичные, статные, высокие. Просто глаза разбегаются. Интересно, откуда они узнали, что таковые ему нравятся? Парадиз!

Наличие среди коллектива подобных сочувствующих коллег весьма облегчало профессиональную деятельность. Заходит, допустим, замглавврача в регистратуру и говорит своим елейным голоском, от которого у посвящённых припадок трудовой доблести мигом начинается:

– Девочки, найдите мне срочно карточку такого-то больного...

Да прежде бы весь регистрационный народ, вплоть до случайно подвернувшейся санитарки-поломойки включительно, кинулся ту карточку искать, друг друга с ног бы посшибали, все бы полки обшарили, все шкафы перевернули, по кабинетам кинулись с криками да воплями, всю поликлинику на дыбы поставили, а нашли... А если не нашли, ой-ёй-ёй... не надо здесь лишней жути нагонять, без того жизнь регистратуры не сахар. Короче, и поломойке бы случайной досталось под горячую руку: не суй свой нос, куда не просят!

Теперь, конечно, тоже вывернутся наизнанку, найдут... но только после Игоря Николаевича или даже после волокой медсестры его Кати, посланной Игорем Николаевичем. То бишь, разулыбается старший регистратор Зоя Фоминишна заместителю главврача обязательно и пояснит кротко аки божий агнец:

– Извините, Ольга Петровна, сейчас для глазного кабинета ищем, как только найдем, так вам обязательно сразу же... и в кабинет принесём... Можете не беспокоиться.

Что делать? Вынуждена замглавврача согласиться со своей второй очередностью в лечебном процессе и принять без всяких споров и внушений, хотя, что ей до Игоря Николаевича? Вроде бы и ничего ни с какой стороны. Женщина она давно замужняя, детная, успешно руководящая, в браке счастлива, никаких видов на подотчётного офтальмолога не имеет, но такова сила женского общественного влияния в коллективе, что никому спуска от самого низа и до самого верха не даёт.

И это четыре месяца спустя после похорон! Да другой бы женился давно, но Игорь Николаевич не пряткий вам попрыгунчик. Хотя траура тоже не носит. И не носил. Любит светлые костюмы, светлые рубашки, они больше идут к его иссиня седой шевелюре, делая моложавее на вид. Стройный седой юноша с печально-строгим лицом без единой морщинки, подтянутый в своём белом халате, весь в работе... весь в ежечасной памяти о преждевременно ушедшей жене. Ред-

чайший мужчина, таких природа в свет считанными экземплярами выпускает, практически единственный достойный вдовец на всём обозримом, с начинающейся легкой дальностью, пространстве.

Чувствуя к себе столь трогательное отношение, Игорь Николаевич радуется с одной стороны, а с другой трепещет. Еще тщательней следит за своим внешним видом, любимые голубые рубашки с утра выглаживает филиграннее, чем иной ювелир алмазы шлифует. К галстукам подход также особенный, халат ему доставляют из прачечной сверкающий белизной и шуршащий утренней свежестью. Костюм светло-лазурный без соринки, штиблеты – ни у кого другого таких нет и быть не может.

Джентльмен высший пробы, корректный, спокойный, выдержанный, со всеми одинаково вежливый, элегантный мужчина в цвете лет с единственным недостатком – неженатым остался, да и то не по своей вине. А сколько перестрадал! Все видели, как мучился этот изумительнейший человек полгода, будто сам умирал, а не жена его. И как только жив остался после всех мучений – испытаний? Удивительно. Заинтересованное сообщество в целом, и любая его представительница в отдельности надеялись этот последний недостаток Игоря Николаевича скорейшим образом искоренить, внеся, таким образом, заключительный, великолепный штрих в портрет идеального современного мужчины.

Вступление офтальмолога в новый брак казалось делом

совершенно естественным, как же иначе? Времени прошло достаточно: не месяц, не два, целых четыре... Пора бы уж... некоторым образом... отойти от горя... снять траур, так сказать. Пора вернуться к нормальной человеческой жизни. Со стороны женского общества во имя этого делалось всё возможное и согласное с законами этики, разумеется. Но Игорь Николаевич к нормальной жизни возвращаться не желал, предпочитая ненормальную, находя в ней большую радость. Даже про Ольгу Васильевну забыл. Разве сравнить святое с грешным? От одной только мысли, что стоит ему где оступиться нечаянно, задержать на одной из поклонниц взгляд чуть дольше, чем полагается приличием, как тут же остальные, никого не спросив, сочтут данный факт произведённым с его стороны выбором! Просто дурно делается от сего прискорбного обстоятельства, руки холодеют, на лбу испарина, шок и общее торможение чувств.

Мгновенно, раз и навсегда, исчезнет благодатнейший микроклимат всесторонней нежнейшей женской опеки, к которому он успел привыкнуть, в коем купался весь рабочий день, как в благодатной солнечной морской воде южного побережья Крыма несколько месяцев подряд, и, между прочим, совершенно бесплатно, не то за путевку в черноморскую здравницу, даже за авиабилет платить не надо! Посему ни в чью сторону не делал ни малейших реверансов. Со всеми был равновзвешенно вежлив, предупредителен, добросовестен, слова перед произнесением измерял на точ-

нейших аптекарских электронных весах, чтобы двусмысленности не возникло ни малейшей, улыбался по-настоящему крайне редко, желательно в пустое пространство, где в данный момент не присутствовало женских персон.

Нет, Игорь Николаевич вовсе не был по натуре своей буридановым ослом, застывшим над двумя одинаковыми охапками сена, и в результате умершим от голода, не в состоянии предпочесть одну другой. В его положении выбор гораздо больше, и с голоду не умрёшь, зато жить-то как приятно, вы себе не представляете! Тех самых неуловимых многозначительных улыбок, моннализовских, кою одну еле-еле в три столетия смог зафиксировать человеческий гений, он в течение восьмичасового рабочего дня получал до полусотни штук, прекрасно понимая, что созданы и предназначены сии шедевры исключительно для него одного и никого более, и творились милыми красавицами с удовольствием в самых заурядных и прозаических местах – коридорах, холлах, регистратуре, других кабинетах, возле его рабочего стола и чаще всего, почему-то, в темнушке при исследовании глазного дна пациенток. Здесь никто точно, кроме него, улыбку не увидит, не узнает и не прочтёт, только он один. Только для него она и предназначена. Там и дарятся почти открыто, дольше мига. А для других – тайна, для других – ничего не видно, всё как всегда. Взгляд со дна и до дна. И что же потерять одним махом всю эту вдруг открывшуюся роскошь жизни? Невидимый сладчайший фимиам, непрерывно изли-

вающийся с небес на его чётко постриженную голову? Целиком и полностью объёмлющий душу и тело в неземных объятиях? Извините!

Отсюда следует: если в недавнем прошлом, при жене больной ещё, Игорь Николаевич мог позволить себе довести сослуживицу после трудового дня под руку до трамвайной остановки, и никто бы в этом ничего эдакого не усмотрел, ни в чем не обвинил, то теперь ни в коем случае нельзя. Не то под руку, рядом идти опасно, да что там говорить, просто недозволительная роскошь. Другие претендентки мигом обидятся и всё бац, рухнет!!! Нет уж, не он строил, не ему и ломать!!! Не в состоянии Игорь Николаевич допустить, чтобы невероятное богатство жизни растаяло утренним туманом, оставив его один на один с суровой обыденностью практики заурядного глазного специалиста без тихих вздохов, взглядов, легких словесных намеков, атмосферы обожания окружающими незамужними почитательницами. Чтобы праздник ушёл да канул в прошлое безвозвратно и навсегда? Разве можно? Нет, подобного промаха ответственный Игорь Николаевич себе позволить никак не мог. И тайный пир души его на полсотни персон при строгом внешнем пуританстве продолжался с невероятным царственным размахом.

Однако же, если главный виновник держал себя в рамках с артистическим упрямством, про многих обожательниц из числа пациенток этого сказать было никак невозможно. Здесь не только случайно видно со стороны незаинтересо-

ванному взгляду, но и выставлено напоказ, ибо жёсткая конкуренция обязывает добиться своего и победить во что бы то ни стало, а следовательно первым делом необходимо заявить о намерениях.

Денис из сил выбился переминаться у стенки, пока дошла его очередь. Врач вдумчиво изучал бумажку от Муси Давыдовны. Даже со зрением Дениса заметно было, что он ничего не может разобрать, что там понаписала госпитальная диагностка. Умные люди нередко страдают плохим почерком, впрочем, не чаще глупцов. Чтобы не отнимать времени у очередниц, ожидающих в коридоре решения своей женской участи, пациент поспешил изложить существо дела, не дожидаясь сообразительности от печального вдовца.

— У меня в военном госпитале нашли отсложку на пять часов.

— Замечательно. Пройдёмте, посмотрим.

И снова в темнушке офтальмолог с сухим остекленело горестным взглядом, который иные сочувствующие поклонницы называли ястребиным, а некоторые даже орлиным, с полчасика изуверски пускал зайчиков в Денисовы зрачки, пока тот не залился горячими слезами. Пришлось даже платочек достать, утереть сырость, и высморкаться, как на похоронах. По безмятежному выражению Игоря Николаевича отчетливо видно, что по-прежнему никакой отсложки сетчатки он не обнаружил, ни на пять, ни на семь, ни на девять часов, но в память об усопшей жене направление в областную боль-

ницу на операцию дать согласился.

Выписала его аккуратным почерком медсестра, совсем даже и не глупая молодая высокогрудая девушка с исполненным внутреннего смысла лицом, врач же только черкнул неразборчиво подпись. В проёме двери возникла очередная женщина без головы, с грудью, поднятой даже выше, чем у кабинетной медсестры. Она пошла прямо на сидящего за столом доктора, будто ничего в мире, кроме него, не существует, но, увы, наткнулась на стул и нехотя, стройно присела, держа спину прямо, как конногвардеец на манежной выезде в присутствии государя императора.

В коридоре на трёх скамейках тоже, как по ранжиру, расселись гражданочки без голов, с приподнятыми выше среднестатистического показателя грудями. Чтобы удостовериться, что это не обман зрения и ошибки нет, Денису, спрятавшему платок в карман, пришлось сощурить левый глаз, а правым пройти по уровню равнения на грудь четвёртой. Женщины нахмурились, подумали, что молодой человек им двусмысленно подмигивает, а ведь они ему в... тётеньки годятся.

3. Девушки-спецы

Врачи областной больницы, осматривающие Дениса, походили друг на друга, как две затянутые в белые халаты осы с очень узкими и длинными талиями. Две девушки без возраста, две подруги, две сестры в белых длинных халатах без единой морщинки, хороводились вокруг него жизнерадостно улыбочивые друг к другу с медицинскими своими приборами, и даже бытие в темнушке под их быстрыми пальцами – вполне терпимая процедура, обошлось на сей раз без скупых мужских слез. К его удивлению одна из девушек, с тёмным лицом столетней иконы, оказалась той самой знаменитой в городе отслоечницей Лебёдушкиной, о коей поведала ему старейший диагност Муся Давыдовна, собственной персоной. Другая – её ближайшей сотрудницей доктором Трупичкиной.

В отличие от Игоря Николаевича, девушки-спецы быстренько вычислили отслойку на пять часов: «Вот она, видишь?», и, как ни странно, ещё больше обрадовались: «такую простую в два счёта на место приклеим». Денис обнадёжился их здоровым весельем: вот что значит настоящие доктора областного уровня! Правда, как-то слегка не по душе, что поглядывают на него, как на сладкое блюдо, чуть не обливаясь, и уж шибко уговаривают немедленно лечь на свободное место оперироваться. Лишний больной – это, навер-

ное, перевыполненный план, и видно, что им очень надо его сетчатку порезать, что они в ней крайне заинтересованы.

А куда больному деваться? Не хочется остаться кривым на всю жизнь и созерцать безголовых граждан. Попробовать, что ли, рискнуть? Тем более что так повезло: сразу попал к самой Лебёдушкиной, о которой говорила Муся Давыдовна. А Муся Давыдовна – лучший в городе диагност, врать не станет. Только немного страшиновато. Всё-таки глаз резать, не палец какой-нибудь. Однако, рассуждая здраво, шанс сам в руки прыгает, надо хватать его и глаз будет видеть нормально. И то сказать, действительно, малые дети терпят, почему ему не лечь под нож да не потерпеть? Муся Давыдовна дело знает туго.

Он пытался заглянуть им в глаза, прояснить, что там за будущее его ожидает? Но девицы-красавицы в белом глядели только друг на друга, знаяще – понимающе улыбаясь ему одинаковыми профилями: у Лебёдушкиной более темный, тогда Трупичкина без башки, у Трупичкиной посветлее – и вся разница, но разве Лебёдушкина может оказаться без головы? Может, ох, может. На ноге бы операция, на руке, пусть даже живот резать, – он согласился бы немедленно, доверился, даже думать не стал, пусть хоть аппендицит удаляют, а вот глаз – зеницу ока доверить резать чужому неизвестному человеку... страшно. Или всё же лечь к ним? Как они хотят? Да, конечно, а куда деваться? Шанс. Но окончательного согласия Денис не дал, решил ещё посоветоваться

с Игорем Николаевичем.

Обаятельно распрощавшись, тотчас вышел из кабинета, оставив глазных хирургов в лёгком замешательстве. Завотделением Лебёдушкина не успела точно определить, к какой категории пациентов данного молодого человека следует отнести: привилегированной, коей полагается отдельная палата, или общей. Как раз элитная палата пустая простаивает, хотя Геннадий Галактионович тоже может занять её в скором будущем, но пока обрабатывается.

В направлении написано «инженер конструкторского бюро», то есть совсем простой инженер. Это минус. Простой инженер – это большой минус, как и простой врач, сама Лебёдушкина приложила огромные усилия к распространению славы о себе, как о замечательном хирурге. Все больные выписывались из её отделения с обязательным «улучшением», хотя на десятую долю процента, хоть на сотую, но зрение пребывало в плюсе, за исключением редких экстремальных случаев. Некоторые пациенты, глядя в выписку, тихо дивились: какое улучшение? Как было, так и осталось, а то и...

Оперировала Лебёдушкина действительно очень много, причём на все руки мастер, однако, желала привлекать себе более привилегированных пациентов. Карьера врача зависит от верхов, но в отсутствии шишек приходилось резать всех подряд, кого бог пошлёт, авось угодишь на нужного человечка! И теперь важно было оценить социальный статус пациента навскидку. От этой оценки зависело многое: окажется

молодой человек в элите или ляжет в общую палату на восемь коек, где также имелись свободные места.

За то, чтобы оказаться в одиночке, говорил безукоризненно сидящий дорогой костюм, твёрдый взгляд без просительной интонации, коей отличались нижние слои населения, привыкшего ныть и жаловаться на свои болячки. Нет, этот не просит, а как бы даже в прищур их разглядывает. Сомневается – делать операцию у них или сразу рвануть в Москву или Одессу. И ведь не согласился, когда предложили, сказал с усмешкой, что подумает. Родители сильные? Да, скорее всего, родители, но почему тогда не назвался? Обычно намекают: я от того-то, я такой-то, или предварительно из здравоотдела специально звонят. На этот счет молчок. А вдруг считает ниже своего достоинства представляться? Может с самых-самых верхов областной власти, родственник? Думает, что все обязаны его в лицо знать? Представитель золотой молодежи из обкомовских сынков-племянников?

Нужен, ох, нужен ей этот наглый мальчик с отслойкой на пять часов! Погоди! Ещё в ногах будешь валяться, умолять сделать повторную операцию, и папаше придётся потолкать ее наверх, ничего, не надсадится пузан. Неужели от самого первого секретаря обкома? Да хоть бы и от председателя облисполкома, надо брать!

– Когда придёт, кладем в отдельную палату.

Сбил с толку её костюм. Ткань, точно, импортная. Купил Денис на премию костюмчик. А на зарплату конструктора

второй категории в сто пятьдесят рублей фиг что купишь, только премия и выручает за хорошую работу. Сшить сшил, а надеть некуда: на работе в джинсах и рубашке сподручнее у кульмана шоркаться с утра до вечера, в кино некогда, свадеб за отчётный период у приятелей, куда можно было выпендриться, как-то не состоялось, вот и надел зачем-то на прием к Лебёдушкиной костюмчик в первый раз, что бы не так бояться самому великой и могучей. Обновил, называется. Надо соглашаться, чего раздумывать? Ладно, бежим до Игоря Николаевича, посоветуемся напоследок.

4. Любовь к трём апельсинам

В тот день со знатным вдовцом случился легкий казус. Очередная больная вошла в кабинет, села, назвала фамилию, а карточки на столе опять не оказалось. Не принесли из регистратуры, черти полосатые! Видит Игорь Николаевич такое дело, вскочил и бегом, вперёд медсестры Кати, в регистратуру. Его увидел Денис, стоявший в очереди в раздумьях и следом кинулся: он же просто спросить последний раз, спросить можно и в коридоре. Но Игорь Николаевич лихо заскочил в дверь регистратуры, а Денис постеснялся следом врываться, остановился перед входом и стал поджидать доктора снаружи.

А Зоя Фоминишна специально припрятала карточку, дабы вызвать глазника. Зоя Фоминишна была заинтересована в Игоре Николаевиче не для себя лично, ей шёл уже пятьдесят четвертый год, скоро на пенсию уходить, а для своей главной помощницы Ольги Васильевны. Ольга Васильевна всеми признанная писаная красавица поликлиники, в её окошко при прочих равных условиях народу всегда станет в два раза больше, чем в любое другое, но, увы, не замужем в тридцать пять лет, ибо слишком хороша и умна, а приличные мужчины робеют таких. Неприличных же Ольга Васильевна отшивала почище любой продавщицы, только интеллигентно, без ругани, с соблюдением правил вежливости,

принятых в медицинских учреждениях. Потому пребывала в многолетнем томительном одиночестве. От регистратуры она – первая кандидатка в жены Игоря Николаевича (хотя не единственная), ибо уже года два, как к нему неровно дышит, а, если быть честной до конца, влюблена до беспамятства, что периодически проявлялось в том, что при встречах с джентльменом немела мороженой рыбой, рта не в состоянии была отворить, но смотреть – смотрела, и чем сильнее любила, тем крепче сжимались зубы и язычок просто мертвел, будто вкололи в него лошадиную дозу анестезина. А тут вдруг вакансия открылась.

Конечно, несчастье. Ужасное человеческое горе, но ведь она его давно любит... и уже четыре месяца прошло. Короче, сгорая от чувства, и начиная потихоньку безумствовать в своем угарном состоянии, купила красивая регистраторша два билета в театр на хороший спектакль с подходящим названием «Любовь к трем апельсинам». А Зоя Фоминишна под этот случай зажилила карточку для глазного кабинета, и, когда прибежал Игорь Николаевич, устроила так, что нашла её Ольга Васильевна: «Да вот она, уже приготовленная, просто некому было нести, извините нас, пожалуйста!»

Карточка лежала у входной двери на столе. Здесь же Ольга Васильевна вручила её Игорю Николаевичу лично, а всех прочих регистраторов мигом, как мух сквозняком, сдуло на противоположную сторону длинной чулком комнаты со шкафами, чтобы коллеге не так стыдно было делать

предложение мужчине. Меж шкафов поразбежались, спрятались, растворились, все в деле, карточки ищут, между собой переговариваются громогласно, всем недосуг, никто ничего не слышит и не видит, что там, у дверей творится. Выгорит? Не выгорит?

Отступить некуда, коллектив из всех сил содействует, вот регистраторша справилась с омертвевшим опять было языком, откашлялась и молвила:

– Игорь Николаевич, у меня тут организовался лишний билет в театр на завтра, подруга не может пойти, не составите компанию?

«Попался! – остоленел от такой наглости глазник. – Влип! Приехали. Если я пойду с ней в театр, всё жизненное наслаждение исчезнет завтра же, да нет – сегодня, расстреляют по всем этажам: знаете новость? Игорь Николаевич наш преподобный с Ольгой Васильевной в театр намылились, спектакль про любовь смотреть. Ага, полугода не прошло... ага... все они мужчины из одного теста сделаны! А как хорошо прежде смотрела, как смотрела! Залюбуешься! Да, красивая женщина, теплая, душевная, приятная в общении, отказывать ужасно неудобно. И вот ведь что странно – пойдёшь с ней завтра в театр, ну что здесь такого особенного? Да ничего, ерунда, тривиальный культпоход, но в результате придётся через некоторое время на ней жениться, и она про то знает, и я, и все прочие остальные, что мигом исчезнут, разбегутся, отвернутся, будто и не было ни-

кого и ничего подобного в природе. Чёрт возьми, однако же недолго музыка играла!»

Он озабоченно наморщил лоб, но вдруг радостно схватил её руку, потряс. У регистраторши сердечко так ввысь и взлетело.

– Ольга Васильевна, голубушка, ради всего святого, извините, но завтра у меня на весь день ФПК в областной больнице и мединституте по расписанию. А это неизвестно, когда закончится. Может статься, целый день будут лекции читать, плюс на операции заставят присутствовать, когда нас там отпустят – неизвестно, так что, увы, нет, с театром не получится. Кого-нибудь другого сагитируйте, хорошо? Мне, сами понимаете, увы, никак. Простите, голубушка моя.

Стоит ли говорить, в каком расстроенном состоянии оказалась несчастная Ольга Васильевна, когда за Игорем Николаевичем захлопнулась дверь, а она осталась стоять дура душой, хлопая длинными красивыми ресницами и сжимая в ладони два театральных билета с безумной силой. Разорвала, швырнула в урну. А если б поведал ей кто в столь ужасающее мгновение, что завтра пойдёт она в театр под ручку с Игорем Николаевичем на спектакль «Любовь к трем апельсинам», не поверила бы ни за что на свете и возражать бы ни словом единым не стала, но в физиономию наглую плюнула точно. Посему, наверное, вещунов среди окружающих коллег не обнаружилось, а в театр Ольга Васильевна, как ни странно, со своим любимым офтальмологом всё же пошла,

да нет, полетела, как бабочка в первый пьянящий солнечный полёт, кружась и порхая от удивительного счастья, после бесконечного тёмного времени, отданного мёртвому состоянию куколки... и точно назавтра.

Жизнь... она такая штука... непредсказуемая, что будешь три дня ломать голову, и не придумаешь, какой фортель одномоментно, без всякого на то предупреждения, бывает, выкинет.

Вопрос Дениса сделал Игоря Николаевича снова серьезным:

– Предложили оперировать? Это хорошо! Я бы лично согласился. Лебёдушкина – весьма знающий хирург, у неё большущая практика, к ней даже из соседних регионов приезжают люди, – посмотрел на дверь, там внутри кто-то взялся за ручку, готовясь выйти, вдруг со всех ног кинулся к лестнице с необыкновенной для его лет прытью.

«Отличный у меня врач, – подумал Денис. – Сам за карточками для больных носится, как молодой, а в этой регистратуре вечно порядка нет, сплошные путаники работают». И с неудовольствием оглядел явившуюся из дверей безголовую регистраторшу, которая на негнущихся, переломанных ногах, кособочась разорванной в узком месте талией, натужно сморкаясь, заспешила в сторону туалета.

5. Пряничный человечек в коробке

Назавтра смело лег в областную больницу. Где его определили в отдельную палату с ковровой дорожкой, холодильником и большущей черной кнопкой вызова персонала над кроватью. В палату проводила сама врач Трупичкина, сопровождала их пожилая, с безрадостным лицом санитарка.

– Раздевайтесь, ложитесь, – приказала Трупичкина, глядя скользь колена начинающего больного ничего не выражающим взором.

Санитарка держала в руках два смешных предмета: стеклянную утку и эмалированное желтое судно, будто он тяжелобольной. Денис усмехнулся тупости младшего персонала: зачем приперла? Потом подумал: а с какой радости ему сразу раздеваться и ложиться? Но спрашивать не стал, презрительное выражение, с каким смотрела Трупичкина, не располагало к общению. Собственно, он только что переоделся в больничную пижаму. Снял ветхую пижамную куртку, положил на стул, снял штаны, лег в кровать и натянул одеяло до подбородка.

– Лежите так и не двигайтесь, – нос Трупичкиной серьезен до сердитости, – сетчатка перед операцией должна лечь на свое место. Ни в коем случае не вставать! По нужде пользуйтесь средствами.

Санитарка сунула средства под койку, взяла со стула пи-

жаму, положила в шкаф у двери.

– И сколько лежать? – отважился спросить Денис.

– Три дня. Еду вам будут привозить и кормить с ложечки, все предусмотрено, не беспокойтесь.

Она быстро вышла, санитарка за ней.

Денис вздохнул: скучно валяться без дела. Палата длинная, узкая, высокая. Он в ней словно в коробке лежит пряничным человечком. Крышка откроется, рука возьмет и сунет в чей-то огромный рот. Из стены кнопка торчит. А почему черная? Длинная, узкая, высокая коробка, похожая на гроб. Внутри гроба лежит человек и смотрит на черную кнопку. Да он с ума здесь сойдет за три дня одиночества...

Вдруг из коридора донесся ужасно знакомый голос: «Трупишкина идет! Смываемся!», от которого трепет пробежал по всему телу под одеялом. Та самая автобусная девушка! Которой он мысленно срезал голову плазменным лучом и потерял на этом деле глаз!! Чудится?! Нажать что ли на черную кнопку? Интересно, кто придет? А вдруг она, та, в белой кофточке, с загорелой шеей и опять без головы? И скажет: что вам вынести, судно или утку?

Черная кнопка на белой стене таила в себе непонятную угрозу для жизни больного, и ничто не заставило бы его нажать на нее сейчас, когда он сам, без посторонней помощи может встать и уйти отсюда. Через час или два в дверь вкатилась тележка с обедом, ею правила кухонная работница, тоже без головы, но, слава богу, незнакомая. Эта совсем не страш-

ная, да и непривлекательная к тому же. Он категорически отказался обедать.

– Ничего есть не будете?

– Ничего.

Денис слегка опасался, что катальщица рассердится, пойдет жаловаться доктору Трупичкиной, та разорется и скажет, что если больной вздумает устраивать здесь голодовку, его будут кормить насильно внутривенным вливанием. А пусть кормят внутривенно. Он согласен. Уткой пользоваться еще куда ни шло, но судном категорически не желает. Поэтому до операции есть не будет, три дня потерпеть – сущая ерунда, тем более, что в лежачем положении организм почти не тратит энергии. Даже полезно. Однако девушка переспрашивать не стала, развернула коляску и уехала. И никто не пришел, не стал орать, просто катальщице достался бесплатный обед. Или ее мужу. Или ребенку. В общем, все сложилось как нельзя более удачно и для нее и для него.

Со временем пожалел о компоте: надо было взять для питья или попросить принести стакан воды. Долго смотрел на черную кнопку на стене, которая подпрыгивала от нетерпения, то исчезала, то возникала вновь: «Нажми меня, попробуй!». Все-таки не стал звонить, не смертельно.

6. Давайте сходим, развеемся...

Как и предполагал Игорь Николаевич из предыдущего опыта, рабочий день группы повышения квалификации окончился около трех часов, и он, конечно, легко бы успел на спектакль с Ольгой Васильевной, только зачем? Пронесло, и слава богу! Ох, какое облегчение! Завтра с утра пораньше на работу. Игорь Николаевич счастливо улыбнулся себе под нос. Их группа уже вышла из ординаторской глазного отделения, спустилась по лестнице в подвал и двигалась по подземному переходу обратно в мединститут, отметить в ФПК о прохождении очередной стажировки.

Подвал был известен тем, что в нём ночью пару лет назад убили медсестру. Игорь Николаевич вспомнил об этом, когда вдохнул прохладный сыроватый воздух подземелья, и тут же забыл. Рядом шедшие женщины, а в группе, кроме Игоря Николаевича, других мужчин не оказалось, по большей части однокашницы, выпускницы того же самого института, даже и не вспомнили о трагедии, они оживленно делились друг с другом новостями. Глазник шагал наособицу, молчал, размышляя, кто завтра пожалует на приём, как вдруг услышал за спиной, в непосредственной близости снисходительный голос: «Этот, что ли?» – «Этот», – последовал краткий ответ.

Нехорошее предчувствие заставило его так стремитель-

но обернуться, что заговорщики не успели отвести взоров. Речь явно шла о нём. Та, что спрашивала, некто Трупичкина, правая рука заведующей отделения Лебёдушкиной, не стала прятать глаз, как другая, продолжив смотреть без всякой доброжелательности, холодно, почти сурово. Зенки оголённые: редкие ресницы толсто намазаны тушью, брови выщипаны в тонюсенькие ниточки. Трупичкина только что принимала участие в показательной операции, ассистируя Лебёдушкиной. Давно на Игоря Николаевича так жёстко не глядели, будто скальпелем резанула по склере. Он растерянно отвернулся, ощутив духоту, мгновенно вспотел. Хотя в подвале и не сказать, что жарко. Разговаривали, разумеется, о нём, ясно как белый день, какие-нибудь сплетни, разумеется. Он даже догадывается, какие именно.

Вдруг Трупичкина резко догнала его, взяла под руку и затормозила, буквально повиснув на локте. Странное обхождение, однако.

– Игорь Николаевич, – произнесла она громким голосом, будто начиная читать лекцию по гистологии в большой зале, – другие как хотят, а я всё-таки не могу не высказаться от лица всего нашего коллектива!

Вдовец приостановился, внутренне поморщившись: «Ну сколько можно этих соболезнований, когда уже столько времени прошло! Только-только начнёт всё стихать, забываться, а тут нате вам – очередная сопереживательница проснулась. Да ещё женщина такая... малосимпатичная». Прочие

коллеги с ФПК приостановились. Почти все знали Игоря Николаевича и его печальную историю, поэтому склонили головы, сделав соответствующие траурные лица, хотя не понимали, зачем сегодня, четыре месяца спустя, выражать от их коллектива специальное отдельное сочувствие? Дорог блин к христову дню! И у всех времени в обрез, у каждого свои планы на сэкономленные от рабочего дня свободные часы, а Трупичкина решила развести бодягу на пустом месте.

– Это, Игорь Николаевич, свинство, бросать женщину, оказавшуюся по вашей вине в положении! Мы этого никак от вас не ожидали! Ваше поведение кидает тень на весь коллектив медицинских работников!

Вдовец рот открыл, но вдохнуть не мог. Его поразили выражение лица Трупичкиной и её тон. Его ругали! Обвиняли как на собрании в каком-то неприличном поступке, о коем он ни сном, ни духом!

– О чём вы? – подавленный неприятной прямоотой, тихо спросил окулист, роясь в памяти и не находя ничего, абсолютно ничего, что могло бы опорочить его и вызвать столь неприязненное отношение в окружающем коллективе.

– О том, что, вступая в интимные отношения с Марфой Феодосьевной, вы обещали ей жениться, а теперь, когда женщина оказалась в положении, делаете вид, что ни при чём.

– Какой Марфой... Феодосьевной?

– Игорь Николаевич, давайте не будем так фальшиво удивляться, вы её прекрасно знаете. И то, что она по натуре

тихий, робкий, безответный человек, не дает вам никакого права вести себя столь недостойно! Я сказала всё, что считала нужным, прямо и открыто, а вы поступайте так, как подскажет вам ваша совесть, или то, что от неё ещё осталось!

С этими словами Трупичкина оскорблённо вздёрнула выпуклый подбородок, пошла обратно в отделение, а коллеги с ФПК, пряча глаза, кинулись на выход, оставив растерянного Игоря Николаевича в полном недоумении, которое продолжалось минуты три. Никакой Марфы Феодосьевны он сроду не знал. То есть, возможно, среди его обожательниц-пациенток имеется некая Марфа Феодосьевна, которая забеременела неизвестно от кого, а теперь делает экивоки в его сторону в припадке платонического обожания. Только он здесь совершенно не при чём!

Игорь Николаевич хотел догнать Трупичкину, чтобы до конца с ней объясниться наедине, кто такая эта Марфа Феодосьевна, какие сплетни распускает, однако вовремя остановился. Нет, так добром дело не кончится. Вот, допустим, назовут ему, кто эта Марфа Феодосьевна есть и где живёт, и что дальше предпринять прикажете? Начнёт он кричать, что я не я и семья не моя? Самому поднять шум-гам? А она скажет – ты, сукин сын, меня обрюхатил! И докажи потом, что не был с ней в темнушке целых двадцать минут, когда в медицинской карточке отмечено посещение!

Заигрался, Игорь Николаевич с общественной любовью, ох и заигрался! А от любви до ненависти всего один шаг!

И какая-то злобная особа тот самый шаг сделала! Теперь сплетня разнесётся по городу самого, что ни на есть грязного толка, только берегись! Да что сплетня, может и под суд подвести запросто с этой темнушкой и репутации навек лишить, работы, профессии! К женщине-матери наш советский суд всегда благоволит, что она скажет, то и правда, придётся на ней жениться! Вот история, а? Что делать? Как быть? Игорь Николаевич аж закрутился на одном месте, жутко захотелось бежать сломя голову неведомо куда, спасаясь от страшной опасности, но куда? Куда? Примчался в родную поликлинику, словно ища спасения в привычной среде обитания. Попытался в ней раствориться, спрятаться, вроде получилось. Фу! Слава богу! Здесь всё по-прежнему. Надолго ли? Скоро разнесут по городу. По-стариковски испытывая сердцебиение, будто от погони, вошел в свой кабинет, рухнул на стул.

Медсестра Катя подняла на него наивный взор.

– Что, уже закончилось ФПК?

– Да, – ответил, как можно равнодушнее. – Очередное повышение квалификации состоялось.

Она надписывала новые талончики на завтра. Эти глазные больные каждый день теряют несколько штук по причине плохого зрения, за неделю исчезают практически все талоны. Врач сидел и смотрел, как прилежно и красиво Катерина выводит его фамилию. Предложить выйти замуж? Попросить руку и сердце? Прямо сейчас, не откладывая в долгий ящик?

А ведь и согласится еще чего доброго. Но слишком молодая, почти одного возраста с Трупичкиной. Ах, какая дрянь эта Трупичкина, при всех выговорила в глаза! Опять начнутся разговоры: на молодой женился! Болезненно поморщился, встал, вышел из кабинета. Нет, ему нужна настоящая жена, красивая, умная, ровня по возрасту, пусть чуточку моложе, такая как... Ольга Васильевна. С ней он почувствует себя с этой стороны полностью защищенным от всяких дурацких претензий. Как раньше. Глянул на часы и кинулся вниз по лестнице вприпрыжку. Вбежал в регистратуру, сразу к ней.

– Ольга Васильевна, вы ещё не сдали билеты в театр? Нас отпустили раньше времени...

Сказал громко, чтобы все слышали. Ольга Васильевна аж застеснялась, беспомощно поникла:

– Сдала.

Но сегодня Игоря Николаевича и это обстоятельство не смутило. Он взял её нежно под руку.

– А знаете, наверное, в кассе не всё продано, давайте сходим, развеемся?

И хотя Ольга Васильевна не была готова на данный момент к такому срочному походу в театр, без раздумий согласно кивнула. В её жизни произошёл долгожданный поворот. Какое поистине счастливое окончание рабочего дня при ужасающе траурном начале! А что пережила за прошлую бесконечную ночь – уму непостижимо: тысячу, миллион раз

пожалела про эту глупость с билетами, и, казалось, всё кончено навсегда, трогательные нежные чувства её безвозвратно сгорели, обратившись в сухой холодный пепел стыда перед сотрудницами и самой собой. Зато сейчас вдруг настало неожиданное светлое пробуждение!

Как чудесна бывает жизнь человеческая... Ровно бы ни с чего, раз!!! – и осияет всё кругом... и день сияет... и два, а иногда целых три дня подряд.

Она подарила Игорю Николаевичу влюбленный взгляд уже никого не стесняясь, именно тот самый, особенный, от которого у нормального мужчины дыхание перехватывает минут на пять, ну, а у не вполне нормального начинается нервный тик на левом глазу, так это не к окулисту следует обращаться, с этим извольте к невропатологу пройти, пожалуйста! Двенадцатый кабинет, с двух до пяти! Эй, куда? А карточку забыли?

7. Ох, и мастерица, однако!

На второй день к обеду, узнав, что пациента из одноместной элитной палаты до сих пор никто не навестил, не позвонил ни лечащему врачу, ни ей, ни главврачу больницы, даже с шофером не доставили в кабинет коробку с вином, цветами, копчёной колбасой, конфетами и баночкой икры, Панацея сообразила, что пришелец надул их самым, что ни на есть наглым образом. И приказала немедленно выкинуть прохиндея вон, в обычную палату на восемь человек. Медбрат-студент отвез Дениса в общую мужскую палату, где помог переползти на свободную койку. В последний момент переселенец воспротивился:

– Простыня смята, кто-то на ней спал.

– Что вы говорите, больной, – Трупичкина слово «больной» произносит как «недоразвитый». – Кровать свободная стоит, значит, белье постелено чистое, его сразу после выписки меняют.

Денис собственным здоровым глазом видел, что простыня вся в мелких складочках от спавшего на ней тела, но возражать лечащему врачу, находясь в её епархии, не посмел, лёг и закрылся от злобного взгляда одеялом. Когда медперсонал покинул палату, сосед Володька, парень лет двадцати пяти, сказал:

– Это медбрат ночевал.

– Да уж само собой не сестра, – развеселился незрячий Саня в чёрных очках. – Рисково им здесь, в мужской палате, отсыпаться. Они в женских дрыхнут, когда места свободные есть.

– Нет, женщина, – не согласился Денис. – Подушка женскими духами пахнет.

– Чёрт, – возмутился Саня. – Как это я проморгал? Вообще-то у меня обоняние на духи не очень работает, зато слух отличный.

– Она не храпела, ты и проспал, пока за Трупичкиной подглядывал. Саня у нас в Трупичкину влюблён, – пояснил Денису рослый человек, которого все называли Машинистом. – Ему сны про неё чудные снятся, а он нам рассказывает. Радует народ.

Лежать в общей палате много веселее, чем в элитной. Народу полно, все друг с другом разговаривают, обмениваются информацией. Самый-самый старожил – слепой Саня, крепкий коренастый человек в чёрных очках, лет тридцати пяти, который не видит ничего, ни вдали, ни вблизи, даже света, и живёт, погруженным в непроглядную тьму и утро, и день, и вечер, следуя больничному распорядку.

Саня ослеп восемь лет назад на стройке, где работал маляром: нёс по лестнице ведра с только что погашенной горячей известью, оступился, упал навзничь и вылил известь на себя. После прошёл десятки больниц, где сделали ему около сорока операций на выжженных глазах, отчего бельма покры-

ты многослойными шрамами, имели вид страшно ужасный, даже спать приспособился в чёрных очках, чтобы не пугать спросонок зрячую жену. Кто и где только его ни оперировал! Всё без толку. В конце концов доктора махнули рукой: что сторит от щёлочи – то уж не увидит! От кислоты и то легче спастись.

А он продолжал страстно мечтать хоть краешком глаза свет ощутить, чашку разглядеть с ложкой, хоть бы слегка. Одна матушка Лебёдушкина не брезговала препарировать Саню снова и снова, ничего, впрочем, не обещая. Исключительно эксперимента ради, оттачивая своё мастерство, а впоследствии Трупичкиной отдала учиться резать. Вот ей-то, Ромуальдовне, и довелось сотворить истинное чудо.

На одной из операций, неизвестно какой по счету, Ромуальдовой уже вполне самостоятельно проводимой, забыла она поставить больному обезболивающий укол, размечталась, видно, о своём, девичьем, в результате чего Саня полтора часа терпел, сжав зубы так, что один коренник не выдержал натиска, треснул пополам, но в шок не впал, выдюжил, ибо здоровьем обладал отменным. Зато с тех пор начал видеть сны волшебного-яркие, интересные, сюрреальные, в обычной жизни сроду такого не бывает, чего во сне замечательном приснится. Ровно по-новой зрение ему даровалось из рук Ромуальдовны, только не дневное – обыкновенное, а ночное – сказочное.

Мужики в палате не раз шутили, как расскажет, бывало,

им с утра Саня свой очередной сон, что де Трупичкина его той операцией в рыцари свои произвела, как английская королева, ибо всё от неё человек претерпел молчком, ни слова не вымолвил, ни криком не вскрикнул, и никуда жаловаться не пошёл. Вернее будет сказать, – уточняли иные умники со средним образованием, —не в рыцари, а прямо в русские князья, которым в Орде, за не вовремя или не полностью привезённую дань тоже глаза выкалывали. Но князюшкам-страдальцам за землю Русскую там быстро делали. Кольнет палач ножичком булатным в глазоньки ясные по приказу хана ордынского, и вытекут те наземь. После мучений сих православная церковь, опять же, князюшку в святые мученики произведёт, ангелоподобные, в то время как Саню целых полтора часа врачиха резала неторопливо, мурлыча под нос песенку: «А не шоферы мы, не плотники – да, но сожалений горьких нет!», зато и награда выпала из рук Ромуальдовны особенная, не сравнить с церковной, как-никак при жизни даровалась. Телевизор покупать незачем: спи и смотри! Каждую ночь, без перерывов на частую профилактику показывают ему всё новые и новые замечательные фильмы-сказки.

Жизнь настала – умирать не надо! Тем более, что на государственном больничном питании Саня пребывает совершенно бесплатно неделю за неделей, уход тоже казённый, постельное бельё меняют, а дома, в довершение ко всем радостям, пенсия инвалидная потихоньку капает в помощь жене

и детям. Раньше не видел ни днём, ни ночью. Существовал в полном и безнадежном мраке. Теперь хоть ночью светло, как днём делается.

И вот видит опять Саня перед своим носом щучку средних размеров, что стоит в самой струе, богатой кислородом, чуть-чуть пошевеливая рыльцем да жабрами. На рыбалке человек весь процесс сверху наблюдает, с берега или лодки, по зиме со льда. Оно, конечно, захватывающее зрелище, особенно когда маленький стаканчик для разогрева прихватишь с приятелем, после того как пробуришь с десятков лунок,ставишь снасти и ждёшь первой поклёвки. Однако изнутри подводный мир даже без стаканчика много интереснее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.